

ТАТЬЯНА ВАН

Цикл
«РАСКОЛОТАЯ ДУША»

К н и г а 2

ТАЙНА СКАРАБЕЯ

ПОЛЬНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Татьяна Юрьевна Ван
Расколота душа. Книга
2. Тайна Скарабея
Серия «Расколота душа», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73879797
Расколота душа. Книга 2. Тайна Скарабея: Москва; 2026
ISBN 978-5-907962-77-4

Аннотация

Жене Кац наконец удалось выкрасть картину «Дьявольские глаза». Теперь необходимо выяснить, кем же был ее автор – таинственный сюрреалист Скарабей.

Расследованию мешают разногласия с друзьями, происки сестры и ночные кошмары. Кажется, весь мир ополчился против Жени, и у нее есть только картина и египетская кисточка, которая помогает ей писать потрясающие полотна.

Как не утонуть в потоке вдохновения и сохранить душу? Ведь с каждым днем в Жене остается все меньше от нее самой.

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Ван

Расколота душа. Книга

2. Тайна Скарабея

Сюрреализм – это волшебный сюрприз, когда уверен, что в платяном шкафу найдешь рубашки, а находишь там льва.

Фрида Кало

Иллюстрация на обложке: Gosuto

© Татьяна Ван, текст, 2026

© ООО «ИД «Теория невероятности», 2026

Часть I

*В каждом истинном таланте есть зародыш
новой, еще небывалой струи искусства.*

Илья Репин

Глава первая

1

Санкт-Петербург, конец июля 2021 г.

Женя обжилаcь в квартире Арсения и Феди намного быстрее, чем представляла. С тех пор как она переехала к парням, прошел уже месяц. За это время она многое узнала о своих друзьях: старом и новом. Делить быт с ними было так же легко, как с подругами. Она не чувствовала скованности, не смущалась и, самое главное, была с ними предельно честна. К слову, они с ней тоже. Если первое время Федя постоянно поджимал губы и бросал на нее недовольные взгляды, то спустя неделю выяснилось, что ему не нравилась Женина привычка разбрасывать вещи по квартире – она оставляла

косметику на кухне, вешала штаны после стирки на стул «на пять минут», а «мотались» они там несколько дней. Сперва Тарасов тактично молчал. Но потом все же высказал накопившееся соседке. И Женя совсем на него не обиделась! Заодно сообщила, что Феде тоже не помешало бы убирать за собой фантики и упаковки от съеденного печенья. Посмеявшись друг над другом, они продолжили жить в мире и согласии.

Чего нельзя было сказать об Арсении. Ему приходилось хуже всех. Если раньше с ним жил только один свинтус, то теперь их стало два. Поэтому первым делом после работы начинающий галерист отчитывал друзей, а уже потом шел ужинать и собирать по крупицам родословную Телфордов. Сафонов никому не говорил, откуда у него данные, просто просил не мешать разбираться в ворохе информации.

Женя знала, чем занимается ее друг, и поначалу выпытывала каждую новую деталь, но после регулярного ворчания Арсения перестала любопытствовать.

– Жень, неужели ты думаешь, что я тебе ничего не скажу? Скажу. Только потом. Дай самому разобраться. Все слишком запутанно, – однажды ответил Арсений. Он с кем-то активно переписывался, время от времени шепча: «Не может этого быть!»

– Почему сразу нельзя все сказать? Разве тебе не хочется поделиться новой инфой? – возмутилась Женя. Она сидела на кровати Феде и безотрывно наблюдала за другом. – И кто

тебе помогает, ты же по архивам не ходишь?..

– Это... – Арсений рассеянно посмотрел на Женю, и отчего-то его лицо вдруг осунулось, а взгляд стал грустным, хотя еще секунду назад в глазах плескались любопытство и азарт. – Это неважно.

– Возможно, ты прав и это неважно. Просто мне обидно. Понимаешь? Если я что-то узнаю, то сразу рассказываю. А ты – нет.

– Извини, просто мне так удобнее работать. – Арсений тяжело вздохнул. – И ты даже не представляешь, какую помощь оказываешь. Я очень тебе благодарен, Женёк.

Арс расплылся в извиняющейся улыбке, а Женя с легким, все еще ворочающимся в глубине души недовольством отвернулась и посмотрела на картину. Та стояла у шкафа и взидала на происходящее, словно еще один немой собеседник.

– Не обижаешься? – осторожно спросил он.

– Не обижаюсь, – вздохнула Женя и перевела взгляд на друга. Она всматривалась в него долго: в его глаза, губы, нос, скулы, тонкие пальцы рук, сжимающие телефон.

– У тебя такое выражение лица, будто кто-то умер, – засмеялся Арсений.

– Очень смешно. – Женя встала с кровати. – С тобой, конечно, весело, но напомним – у нас проблема.

– Кристина.

– Да. И ее бесконечный домашний арест. Она снова вышла на связь через папин телефон, пригласила к себе. Тети

Ларисы дома не будет, и мы сможем поговорить об Алине.

– Домашний арест на месяц... в ее возрасте... Это полный бред.

– Это тетя Лариса. – Женя пожала плечами и вышла из комнаты.

* * *

Арсений устало вздохнул и вернулся к тому, от чего отвлекся, – он переписывался со своей невестой-француженкой. Жюли отправила очередной поток ссылок на иностранные журналы об искусстве и старые газеты, где так или иначе упоминалась фамилия Телфордов. Пока они работали без помощи ее отца – тот был занят и не видел веской причины заниматься «бесперспективным сбором информации». Чего нельзя было сказать о Жюли. Ее увлекла история, которую открыл ей Арсений, и она с радостью согласилась помочь разгадать тайну Телфордов.

Только вот говорить о том, что он занимается этим делом вместе с Женей, совсем не хотелось. Равно как и поведать подруге о невесте. Арсения сразу бросало в пот. Именно поэтому он молчал, ссылаясь на то, что «прежде чем *что-то* рассказывать, надо в этом *чём-то* убедиться».

– Ты можешь называть Жюли своей «парижской подружкой», – видя замешательство Арсения, как-то предложил Федя. – Но, честно, я не понимаю, почему ты так трусишь рас-

сказать Жене о невесте. Ссыкло.

– Сам не знаю, – вздохнул Сафонов. – Просто мне как-то неловко, что ли. Мы росли вместе, помним друг друга детьми, и тут я говорю, что стану чьим-то мужем. Тебе не кажется это смешным?

– Ты идиот? – серьезно спросил Федя. – Это естественный процесс. Мы взрослеем, находим себе спутника жизни, заводим с ним семью. Что тут смешного?

– Не знаю. Но не говори ничего Жене. Я сам. Потом. Как-нибудь.

* * *

Кристина не выходила на связь несколько дней. Потом дни превратились в недели, и на исходе второй Женя не выдержала и поехала домой к Котовым. Ей сильно повезло: в квартире были только Кристина и ее отец, который, как оказалось, не поддерживал свою супругу в решении запереть дочь в доме и отобрать все средства связи. Поэтому он разрешил кузинам немного поболтать.

– Короче, – вздохнула Кристина в проем двери, – все не особо радужно. Я под строжайшим домашним арестом. Но в этом есть и плюсы. Я потихоньку выпытываю у папы инфу про тетю Алину. Он явно знает что-то интересное, но почему-то не хочет рассказывать все и сразу. Единственное, что я пока узнала, – Алина купила те самые сюрреалистичные

глаза случайно. Пошла с подругой на блошинный рынок и там увидела эту картину. Бывший владелец холста – мужчина с омерзительным шрамом на щеке – отдал ее почти бесплатно. Это пока все.

Женя нахмурилась. Все это было так знакомо.

– Приходи ко мне через две недели. Мамы не будет, скорее всего, до утра – отмечают юбилей нашего магазинчика. Папа такое не любит, поэтому точно никуда не пойдет. Так что приезжай в любое время.

Сейчас, спустя те самые две недели, Женя собиралась навестить кузину. Она надеялась, что эта встреча станет лучом в беспробудном мраке истории «Дьявольских глаз».

Что до Киры, то она писала каждый день, угрожая, что расскажет маме об «очень интересной жизни ее младшей дочери». Видимо, Полина рассказала Кире об Арсении и Феде. Случайно или нет, Женя не знала.

Угроза была так себе – их мать не походила на тетю Ларису. Но в ответ на это Женя писала, что поступит аналогично с информацией о том, *как* сестра учится в Академии. Заявляла она об этом скрипя зубами, потому что понимала, насколько это глупо и тошнотворно. Две родные сестры грозили сдать друг друга матери, которую не заботило ничего, кроме работы... Иначе она бы давно позвонила или Кире, или Жене, чтобы узнать, как у тех дела. Но мать не звонила. Мало того – она писала раз в неделю. Короткие сообщения в несколько строк. В них она рассказывала о том, где сейчас

находится, что интересного узнала, и вдогонку кидала:

Евгения, надеюсь, у тебя все хорошо. Деньги перевела, много фастфуда не ешь. Сестре привет. Если что, я с ней тоже на связи.

«На связи», скорее всего, означало такое же короткое сообщение раз в неделю и ноль звонков.

Но Женя не расстраивалась. Как можно грустить из-за того, чего у тебя никогда не было? Тем более сейчас жизнь была наполнена событиями и чужими тайнами, вернулись старые друзья и появились новые. Точно не до мыслей о матери.

Но все же она скучала по сестре. Как бы она себе ни доказывала, что Кира недостойна хорошего отношения из-за своего вранья и порчи чужих картин ради поступления в вуз, сердце предательски ныло от тоски. Женя даже плакала по ночам, не веря, что все это происходит именно с ней. Еще она ругала себя. Ругала за то, что всю жизнь игнорировала истинную сущность своего самого любимого и дорогого человека.

«Будь я чуточку умнее, давно бы поняла, что моя сестра...»

Женя никогда не заканчивала эту фразу. Даже мысленно она не могла обозвать сестру. Это казалось настоящим кощунством.

– Привет. – Кристина улыбнулась, распахивая дверь перед Женей. – Ты даже не представляешь, как я рада тебя видеть.

Несмотря на домашний арест, кухня выглядела посвежевшей и отдохнувшей, а розовая пижама делала бледную кожу похожей на фарфор.

– Привет. – Женя прошла в коридор и захлопнула за собой дверь. – Мама ушла?

– Ушла. Нарядилась, в дверях бросила: «Ужин в холодильнике» – и все.

– Замечательно.

– Папа дома, – вздохнула Кристина, кивнув на закрытую новую дверь, ведущую в комнату родителей. Оттуда доносилось тихое бормотание. – Телевизор смотрит.

Женя только сейчас заметила, что стены оклеены новыми перламутровыми обоями с блестками, а на полу вместо старого линолеума – ламинат под светлое дерево.

«Может, Кристина такая счастливая, потому что ремонт заканчивается? Я бы прыгала от радости на ее месте».

– Да, совсем скоро закончим, – словно прочитав мысли Жени, заметила кухня.

– А то, что папа дома? Ничего?

– Ты что, это даже плюс. Когда дома никого нет, мама закрывает меня на нижний замок, а ключей у меня нет, поэто-

му...

– Поэтому ты можешь открыть дверь, только когда твой папа дома, – закончила за Кристину Женя. Та согласно кивнула. Казалось, этот факт ничуть ее не расстроил. – Но как так можно жить? Почему ты не устроила какой-нибудь бойкот?!

– За месяц заключения я поняла одну очень важную вещь. В жизни привыкаешь ко всему, даже к худшему. И если поначалу бунтуешь, пытаешься отстоять свои права, с пеной у рта доказываешь, что прав ты, а не кто-то другой, в конце концов все равно замолкаешь от усталости и становишься послушной марионеткой в руках опытного кукловода. Конечно, усталость одолевает не всех. Многие продолжают бороться с кандалами на руках и ногах. Но большинство все равно устает. Вот и я устала и смирилась. Сгорбилась под натиском диктатора и даже начала его оправдывать, – неожиданно для Жени хохотнула кузина. – Наверное, мама хочет как лучше. Она меня спасает от врага. Внутреннего врага.

Женя хотела было возразить на это, но не стала. Не нашла в себе подходящих слов.

– А с папой мне повезло. Он даже рад, что ты обещала прийти.

– Ого, – улыбнулась Женя. – Даже, как ты выражаешься, около диктаторов стоит тот, кто думает иначе?

«Наверное, такие люди и спасают мир, – подумала она. – Люди, подверженные двоемыслию».

– Пошли ко мне. Там тоже стало лучше – вместо матраца теперь диван, – сказала Кристина, проигнорировав вопрос. – Как раз все и расскажу о тете.

– Хорошо, – ответила Женя и заметила, что, говоря об Алине, Кристина сильно поменялась в лице. Будто кожа обвисла, а до этого радостные глаза застелила тревога.

3

– В общем, – заговорила Кристина, когда они с Женей удобно устроились на диване, – то, что я говорила у Марселя, – правда. Память меня не подвела. Наша тетя действительно умерла в психушке. Но меня заинтересовала не сама ее смерть, а *путь* к ней. По рассказам мамы, которыми с радостью поделился папа, Алина никогда не рисовала и у нее не было даже малейшего желания взять в руки кисточку. Я в искусстве ничего не понимаю, но мне кажется, что невозможно воспылать страстью к тому, о чем не имеешь ни малейшего представления.

– Но в школе-то все рисовали. Я так и полюбила возиться с красками, – напомнила Женя, разрушив вступление кузины. Та даже немного померкла – ей явно хотелось создать драматический эффект.

– Хорошо, – вздохнула Кристина. – Тем не менее. ИЗО в школе до класса седьмого или восьмого, потом: хочешь рисовать – рисуй. Не хочешь – не рисуй. Так вот Алина не за-

хотела: она ненавидела все, что так или иначе было связано с творчеством или искусством. Наша тетя обожала точные науки и готова была по несколько часов зубрить химию, физику или математику. Она не понимала, зачем нужно тратить время на какую-то мазню. По рассказам, Алина была троечницей только по трем предметам – ИЗО, музыка и, кажется, по физре. То есть понимаешь, куда я клоню?

– Да, понимаю, – кивнула Женя и вспомнила, что в ее школьные годы ситуация была обратная. Она рыдала над точными науками, но радовалась, когда шла на ИЗО или музыку. Но в чем-то Женя и тетя, о которой она никогда не слышала, были похожи: обе не любили физкультуру.

– И вот ситуация: человек, который ни разу не интересовался живописью – она даже школьные экскурсии по музеям прогуливала, – не любил рисовать, вдруг приносит с блошиного рынка картину и говорит, что это великое произведение искусства. А позже, через пару месяцев, просит денег на холст и начинает рисовать так, как не рисовал сам Пикассо.

Кристина замолчала и выжидающе посмотрела на Женю. Та не произнесла ни слова.

– Ладно, может, не как Пикассо, но явно феерично для человека, который ненавидел возиться с красками. По словам папы, одна из ее работ до сих пор хранится дома у нашей бабушки. А у него самого даже фото осталось, на котором Алина стоит у этой картины! Он показал мне снимок. Тетя изобразила незнакомую девушку, вместо рук у той – кисточ-

ки. Лицо замотано в черную ткань, только каштановые волосы выглядывают. И эта девушка находится перед холстом – она закончила рисовать и смотрит на картину, оценивает ее. А на той картине изображен маленький мальчик, вместо *пары* глаз у него...

Кристина осеклась и поморщилась.

– У него *восемь* глаз, как у паука. И он смотрит с этого холста, будто живой. И это еще ладно. Ерунда. Но знаешь, как подписала эту работу Алина? Папа долго не мог вспомнить, примерно неделю пытался откопать в памяти этот псевдоним. У него ничего не вышло, и он как бы между делом спросил у мамы. Сидел на кухне и, листая новости в смартфоне, заговорил о живописи и спросил. Я, конечно же, в этот момент подслушивала их разговор. Мама сначала отчитала папу, мол, нашел что вспомнить, а потом произнесла всего одно слово, от которого у меня волосы на макушке зашевелились. *Скарабей*. Алина подписала свою картину псевдонимом художника, который нарисовал «Дьявольские глаза».

– И что было потом? – хрипло спросила Женя. В горло будто насыпали песка.

– Тетя Алина продолжила рисовать. Остальные работы подписывала этим же псевдонимом. Правда, рисовала она не очень долго, вскоре оказалась в психушке.

– Что?!

– Минуту, сейчас объясню. В общем, Алина училась в университете, что-то там с химией связано. По воспомина-

ниям папы, во время одной из пар она плеснула в лицо однокурснице какую-то химическую дрянь. Та получила ожог и ослепла. Позже оказалось, что пострадавшая запугивала тихоню-одногоруппницу и требовала, чтобы та делала для нее курсовые работы. Тихоня делала.

Тогда никто так и не понял, почему Алина ни с того ни с сего решила так жестко проучить абьюзершу. Алина, как я поняла, с детства не обидела и мошки. Да и знала она о «воровстве» довольно давно. То есть условно шесть месяцев ей было плевать, что в группе есть раб, а потом она вдруг задалась целью установить справедливость. В общем, непонятная реакция.

Потом Алину отчислили, возбудили против нее уголовное дело, что-то еще было... В общем, родители пострадавшей подняли шум. Тетю в итоге задержали, а суд на время следствия приговорил ее к домашнему аресту. По словам папы, сразу не посадили за решетку из-за небольших психических отклонений. Что-то там в голове нашли.

Ну и Алина оказалась заперта дома в компании сюрреалистичных глаз. Никого у нее больше не было. Мама вечно жаловалась папе, что Алина совсем не общается с бабушкой и дедушкой, а только и делает, что сидит в комнате и говорит, что ей никто не нужен, что она презирает людей. Но больше ничего плохого она не делала. Все вроде было в порядке. Но потом начались галлюцинации. И еще приступы агрессии. Представляешь, Жень, она начала кидаться на лю-

дей! И как с ней вообще можно было жить? Наши бабушка с дедушкой – герои. Вот честно, я бы не выдержала и выпорола ремнем. Ничего, воспитать человека можно и в двадцать лет...

Так вот, о чем это я. Ах да, однажды, все со слов папы, Алина чуть не спалила квартиру – устроила пожар в своей комнате. Все обошлось, огонь потушили, он повредил только ковер и одну из стен. Но вот странность – зажигалку нашли рядом с «Глазами». Мама после этого предположила, что Алина хотела избавиться от картины, но что-то пошло не так. То ли передумала, то ли испугалась. Сама Алина молчала.

И вот после этого случая ее и упекли в психушку. Мама часто ее навещала, рассказывала папе, что все хорошо – сестра лечится, занимается живописью. Правда, рисовала она странные вещи – жуков, изуродованных людей или и вообще людей без лиц. Ее работы доводили других пациентов до истерик. Алину исключили из местного кружка живописи. А потом случился очередной приступ: она требовала отпустить ее домой, потому что «соскучилась по глазам». Ее, конечно же, не отпускали. В итоге она решила сбежать.

Кристина прервала монолог, на ее глазах выступили слезы. Женя не знала, что ей сделать – взять кузину за руку, кивнуть... Что? Она и сама сидела как статуя, будто лично присутствовала при всех событиях, о которых говорила Кристина.

– Жень, наша тетя убила человека, – наконец сказала кузина. Слезы покатались по ее щекам, нос покраснел. – Того врача. По словам папы, официальная версия – она его задушила. Но это какой нужно быть, чтобы справиться с мужчиной... И это еще не все. Саму Алину врачи нашли в предбаннике больницы. Она упала навзничь. Смерть от истощения.

– У нее была анорексия?

– В том-то и дело, что нет.

– Странно, тогда при чем тут истощение?

– Поверь, это не самое странное, – сказала Кристина и сделала паузу, после чего продолжила: – Дело в том, что, когда утром Алину нашли медсестры и перенесли ее обратно в палату, они увидели картину с сюрреалистичными глазами. По словам отца, холст находился дома. Кто его ночью принес в больницу – загадка. Еще вечером никакой картины не было.

– И что сделали с работой Скарабея?

Кристина не отвечала, будто по каким-то причинам боялась давать мыслям голос.

– Ну?

– Сначала на эту картину всем было пофиг. Бабушка с дедушкой занимались похоронами, им помогали моя мама и твой папа. Когда все закончилось, мама вернулась в больницу за вещами Алины – кажется, их убрали на склад. Но картины там не оказалось! Все на месте, кроме нее. При этом замок – вскрыт.

– Украли?

– Видимо. Никто так и не понял, что произошло. Охранник говорил, что после смерти Алины около входа ошивался какой-то парень со шрамом на лице. По словам папы, он хорошо запомнил это, потому что мама только и говорила что об этом человеке: какие-то странные теории строила – якобы Алина попала в секту, этот юноша оттуда, и во всех бедах виноваты сектанты. Но шло время, и мама успокоилась. Теперь же дома действует негласное табу на эту тему.

4

Женя вышла из квартиры Кристины, на автопилоте дошла до метро и села в вагон. Она все делала машинально. Даже дорогу переходила на зеленый свет не потому, что так надо, а потому, что просто повезло.

Ей хотелось орать, но она молчала. Хотелось плакать, но ни один мускул не дрогнул на окаменелом лице. История тети не просто выбила почву из-под ног, она убила внутри весь свет и всю надежду на лучшее.

Пока Женя ехала к Арсению, раз за разом прокручивала в голове вопрос Кристины, который та задала уже в коридоре: «Почему эта картина выбрала именно нашу семью?» Кузина говорила о холсте с красками, как о живом человеке. И если раньше Женя бы ее поправила, попросила не нести ерунду, не фантазировать, то в этот раз она лишь тихо ответила: «Я не знаю».

Я не знаю.

Всего одного крохотное словосочетание, которое было настоящей всепоглощающей трагедией.

– Как хорошо, что мы забрали картину от Кире, – прошептала Женя, поднимаясь на эскалаторе. Она вспоминала о финале жизни тети и не могла поверить, что ее сестру могло ожидать что-то подобное. История будто повторялась...

Грудь сдавило – Женя вспомнила рассказ Марселя об одной из обладательниц картин и слухи о разгульном образе жизни Скарабея в начале двадцатого века. Не только Алина и Кира хотели уничтожить «Глаза». История знала как минимум еще один подобный случай – дочь британского предпринимателя, которая начала заниматься творчеством сразу после того, как у нее появилась картина. Она хотела спрыгнуть с моста в реку вместе с холстом, но в последний момент передумала и оставила шедевр на земле.

«Кира тоже спасла холст в последнюю секунду. Как, вероятно, и Алина», – ужаснулась Женя.

Когда она выходила из метро, телефон пиликнул новым уведомлением. Немного поколебавшись, Женя смахнула заставку и обомлела. Ей пришло сообщение на электронную почту. Как она могла забыть... Завтра – открытие выставки, о которой она грезил последние несколько месяцев.

Волнение коснулось сердца. Женя вздохнула, вновь заблокировала телефон и убрала его в шопер. Она шла медленно, не разбирая дороги. Ее толкали прохожие, сигналили

машины, когда она ступала по зебре на пешеходный красный. Облаяла собака. Она наступила на чье-то упавшее мороженое.

Женя приоткрыла дверь с вывеской «Частная галерея Роберта Абдулова» и заглянула внутрь, чтобы посмотреть, на месте ли ее друг. Тот действительно был на месте.

Арсений стоял за стойкой администратора и улыбался клиенту. Только этот *клиент* – очень стройная блондинка – держал его за руку. От девушки веяло легкостью. Она что-то говорила, а Арсений, глядя на нее с любовью, улыбался. Потом девушка в ярком летнем сарафане что-то сказала, и он заливисто рассмеялся. При Жене он никогда так не смеялся. В последнее время он всегда был хмурый и задумчивый, язвил и порой отвечал невпопад, лишь бы от него отстали. А тут – улыбался во все тридцать два.

Женя не двигалась. В тот момент ее поразила не сама ситуация за стойкой администратора, а собственная реакция на нее. Ей вдруг показалось, что она ревнует лучшего друга; человека, к которому, как она себя уверяла, *никогда и ничего* не чувствовала, кроме сестринской любви.

Женя так и выглядывала из-за двери, пока Арсений ее не заметил. Улыбка сначала сползла с его лица – молодой человек удивился, но позже его губ вновь коснулось счастье. Арсений приглашающе махнул рукой.

– Привет, Женёк, – улыбнулся он, но, заметив Женино состояние, слегка нахмурился. – Заходи, не стой в проходе.

Как и обычно, Арс был в элегантном черном костюме.

Женя скользнула в галерею. Потрепанная и уставшая, в рваных джинсах, темно-зеленой футболке, с помятой прической и с минимумом косметики на лице, самой себе она казалась плесенью рядом с девицей-фиалкой, будто только что распустившейся.

– Добрый день, – промурлыкала «фиалка».

– Здравствуйте, – ответила Женя. – Арс, я, наверное, не очень вовремя, да? Зайду позже.

Женя уже хотела было развернуться и выбежать прочь из галереи, чтобы не смущать пару, но вдруг «фиалка» остановила ее:

– Все нормально, я уже ухожу. Простите, Арсений, что украла ваше время. Не могу выразить всю благодарность. Вы не представляете, как давно я искала эту картину! Спасибо, что нашли ее для меня!

– Рад служить, Снежана. Обращайтесь, – ответил Арсений и услужливо поклонился.

В этот момент телефон клиентки завибрировал от входящего звонка.

– Ну, мне пора. До встречи, – махнула рукой «фиалка» по имени Снежана и ушла.

Женя и Арсений проследили за ней, и, когда дверь закрылась, молодой человек спросил:

– Что ты узнала? На тебе лица нет...

Женя дернулась, будто проснулась ото сна, и кивнула.

– Роберт уехал, мы в галерее одни, так что можешь рассказывать прямо тут.

Женя подошла к широкому подоконнику и села на него. Арсений опустился рядом.

– Кажется, мы вляпались во что-то *очень* темное.

Этимися словами Женя начала рассказ о картине, чье величие было несравнимо с теми холстами, что висели в галерее. Она говорила медленно, пытаясь передать в точности каждое слово, которое пару часов назад слышала от Кристины. И когда закончила, сильно удивилась – она и не думала, что так безошибочно сможет передать все, что узнала. Замолчав, Женя взглянула на Арсения – до этого смотрела куда угодно, но только не на него. Друг облокотился на подоконник и не моргая глядел наверх, как загипнотизированный. Сначала Женя хотела что-то спросить, но проследила за его взглядом и снова наткнулась на фразу:

«В нашем деле товар чаще всего привлекает любителей не своими подлинными достоинствами, а редкостью и особенно ореолом тайны, окружающей его».

Поль Дюран-Рюэль

– И ведь снова не поспоришь с этим великим изречением, – наконец нарушил тишину Арсений.

– Что нам теперь делать?

– Нужно поговорить с египтологом. Эта картина явно как-то связана с Древним Египтом. Тем более дедушка Калверта

был поклонником этой страны и ее культуры. Пока я не могу понять, кто такая Дебра, поэтому распутываю клубок истории именно Телфордов. Кажется, она невидимый член семьи. Член семьи, которого никто не знает.

– Ты не рассказывал, что работаешь с родословной Телфордов, – с легкой обидой заметила Женя.

– Потому что еще нечем делиться. Я почти ничего не узнал.

– Ты месяц с кем-то консультируешься. Неужели за все это время...

– Ладно, да, кое-что есть, ты права. Но лишь парочка документов из архива и несколько сканов из искусствоведческих журналов, – перебил Арсений. – Я только начал структурировать информацию, пытаться сложить историю рода Телфордов во что-то единое. Никто так и не удосужился написать биографию Калверта, поэтому приходится собирать инфу по крупицам и соединять ее. Пошли, дам тебе почитать первые наброски.

Арсений встал с подоконника и подошел к стойке администратора. Когда Женя оказалась рядом, он открыл свой ноутбук и отодвинул стул, приглашая ее присесть.

– Читай. Там не очень много, но лучше ты сама прочтешь, чем я буду пересказывать. – Он с заметным смущением улыбнулся. – И сильно не критикуй стиль моего письма. Это так, небольшое эссе.

Гарольд Телфорд, один из влиятельных английских торговцев картинами второй половины XIX в., родился 12 ноября 1846 г. в графстве Дарем в семье шахтера и гувернантки. В детстве чаще всего проводил время с матерью Мэри, которая обучала дочь местного промышленника Ричарда Вокса, дальнего родственника баронов Вокс из Херроудена.

Из-за работы матери Гарольд часто бывал в поместье семьи Вокс. Несмотря на небольшую фабрику по производству ковров, Ричард был любителем живописи и страстным коллекционером картин, поэтому с малых лет Телфорд учился чувствовать краски и читать линии на многочисленных холстах, развешанных по «замку», как называл поместье мальчик.

Поскольку он всегда был рядом с матерью, то часто общался с ее воспитанницей – мисс Памелой Вокс. Она была на год старше мальчика. Ей нравилось играть с Гарольдом, часто она называла его «младшим братом». Однако отец ругал ее за это. «Он тебе не брат», – настаивал мужчина.

Что до Гарольда, то он с каждым годом сильнее проникался картинами из коллекции Вокса. Будучи ребенком, он не мог понять, что его так пленяет в них. Но, глядя на работы прошлых веков, он будто

растворялся; терял связь с реальностью; становился участником событий, изображенных на картинах. Холсты стали для него своеобразной «машиной времени», хотя, что это такое, он не знал — знаменитый роман Герберта Уэллса еще не вышел.

Примерно к девяти Гарольд мог спокойно отличать французское Возрождение от северного. Но многих больше всего поражала его «чуйка» на романтизм. Не все коллекционеры могли с первого взгляда понять, что перед ними, а маленький Телфорд спокойно отличал, давая себе на осмотр и размышления всего несколько минут.

Отправить Гарольда в хороший пансион родители не могли. Сперва его обучала мама, а потом он принялся поглощать знания из книг, которые находил в библиотеке Воксов. Миссис Вокс разрешила мальчику ходить везде, где только вздумается. Она видела, что он аккуратный ребенок, поэтому Гарольд мог открыть любую дверь поместья.

Чуткий, любознательный, сговорчивый, он не походил на обычных деревенских детей: в любой ситуации вел себя как джентльмен.

Много позже, уже открывая свою галерею в Париже, он сказал:

«Кем бы я стал, если бы моя дорогая мама не привела меня в мир благополучия и мир картин? Что со мной случилось бы, ходи я на работу с отцом в шахту? В лучшем случае я бы до старости добывал уголь, а в худшем — погиб бы в молодости

при очередном взрыве газа в темном подземелье. Я бы не интересовался искусством, я бы не читал книг, я бы не познакомился со своей будущей женой, и никогда бы не почувствовал легкости в душе, и никогда... никогда бы не познал истинного счастья. Знаете, я думаю, что творчество, если это и не смысл жизни, то ее огромная часть. Пока рядом с вами произведения искусства, знайте, ваша жизнь не напрасна. Восхищаясь картинами Эль Греко, читая Цицерона, человек намного счастливее того, кто водит носом по строкам газет. Соглашусь, и в искусстве, и в прессе мы натываемся на страдания рода человеческого, но лучше смотреть на красоту, чем на уродство».

*** * ***

Заметив, что Женя дочитала до этого момента, Арсений сказал:

– Только не думай, что он был снобом. У тебя может сложиться неправильное впечатление о Гарольде. На самом деле он был одним из самых скромных людей – когда построил карьеру торговца, никогда не кичился своими богатствами и даже не жил на широкую ногу. Зато часто выступал спонсором любительских выставок, занимался благотворительностью.

– Вообще ничего на себя не тратил? – хмыкнула Женя,

поднимая глаза от экрана ноутбука на Арсения. Тот сидел на соседнем стуле и будто заново перечитывал свой же текст.

– Да нет уж, у Гарольда, как и у любого нормального человека, были свои слабости. И эти слабости не имели никакого отношения к картинам. Читай дальше. Я, когда узнал об этом, не сильно удивился. Просто понял, что постепенно начинает вырисовываться картинка.

Женя кивнула и повернулась к ноутбуку, возвращаясь к чтению. Ей было интересно знакомиться с жизнью торговца не только из-за его «заочной связи» с сюрреалистичными глазами. Женя наслаждалась самим процессом погружения в текст. Она никогда не читала работ Арсения, а тут поняла, что ей хочется укутаться в его предложения и забыться в его абзацах.

– Ты так скрупулезно обо всем пишешь, – пробубнила себе под нос Женя. – Я бы просто накидала заметки.

– Возможно, чуть позже так и будет. Информация из журналов изначально была структурированная, поэтому не составило труда ее перевести и перефразировать. А вот дальше... пока сложно сказать, что меня ждет.

– Удивительно, – не отрываясь от чтения, протянула Женя.

Ближе к двадцати годм Гарольд заинтересовался художниками-прерафаэлитами. В своих дневниках, выдержки из которых позже публиковали журналы, он писал, что их работы наделены необычной силой.

«Когда я продавал работы прерафаэлитов, мне казалось, вместе с этими картинами отдаю частицу своей души. Неверно думать, что только художник вкладывает всего себя в произведение искусства, но его почитатель тоже не прочь оторвать от себя кусочек».

Что любопытно: Гарольд Телфорд познакомился со своей будущей женой на выставке именно прерафаэлитов. Ее звали Роуз, но для него она всегда была Розы. С первого и до последнего дня.

Коллекционер отмечал:

«Если бы моя жена была картиной, то картиной прерафаэлитов».

Он часто сравнивал возлюбленную с искусством. Но к жене вернемся позже.

Когда Гарольду исполнилось семнадцать лет, он заявил, что намерен профессионально изучать живопись. Ему надоела секретарская работа у Ричарда Вокса, который взял его под свое крыло, к тому же пора было устраивать дальнейшую жизнь.

Временами Ричард Вокс приглашал юношу принять участие в званых обедах с коллекционерами и людьми искусства, но те, судя по дневниковым записям, даже восхищаясь знаниями Телфорда, никогда не воспринимали его всерьез.

Однажды один из продавцов антиквариата заметил, что «мальчик слишком юн и необразован». В тот день Гарольд записал в своем дневнике:

«Я намного умнее этого старика с пороссячими

глазками. Его университетская корочка и жизненный опыт не добавили мозгу ни капли извилин».

Гарольд был остер на язык и не чувствовал себя скованно в высшем обществе. Возможно, на становление его характера не последнее влияние оказал и сам Ричард Вокс. Однажды он предложил Гарольду отправиться с ним в качестве сопровождающего во Францию за новыми картинами: немислимая честь для сына гувернантки.

Это путешествие подробно описано в дневнике Гарольда. Молодой Телфорд писал, что сильно расстроился, так как с ними не поехала мисс Памела Вокс, к которой он тогда испытывал нежные чувства. Гарольд хотел проводить с ней как можно больше времени и уже тогда был уверен, что Ричард согласится на их брак.

Но во Франции Гарольд забыл о сердечных делах.

Оказавшись в 1863 г. в стране искусства, он первым делом посетил «Салон отверженных». Блуждая среди непризнанных работ, он не мог понять, что чувствует к ним. Позже Гарольд писал:

«Я буду лгуном, если скажу, что сразу полюбил стиль импрессионистов. Как бы не так! Когда я впервые взглянул на их работы, у меня сжалось сердце от негодования. „Какое кощунство“, – думал я, разглядывая будто наскоро намалеванные работы. Но вот странность. Возмущаясь ими, я не мог отвести от них взгляд. Это был

конец спокойной жизни. Вернувшись в Лондон, я вдруг понял, что хочу разглядывать картины импрессионистов до конца своих дней».

Франция вдохновила Гарольда, и он начал грезить об университетской жизни; мечтать о факультете искусств Оксфорда. Но при поступлении Телфорд провалил экзамены. Оказалось, чтобы изучать живопись, мало интересоваться только ею. Были необходимы и другие знания.

И тогда мистер Вокс сжалился над Гарольдом. Он посоветовал юношу своему знакомому — пятидесятилетнему торговцу картинами — Николасу Холлу. Тот взял Гарольда своим секретарем.

Торговец не доверял Гарольду никаких важных вещей. Он следил за картинами, вел несложные бухгалтерские книги и приносил чай, когда просил мистер Холл. В статусе «подай-принеси» Гарольд Телфорд проработал десять лет. Он был благодарен за предоставленную возможность, так как не только мог наслаждаться произведениями искусства, но, что более ценно, перенимал опыт профессионала. Он наблюдал за тем, как мистер Холл продавал картины; как разговаривал с клиентами; какие слова использовал; какие предложения принимал и от чего отказывался. Гарольда не интересовали финансы, но его поражало, как ловко его «хозяин» вел переговоры с теми, кто не знал, проснется завтра все тем же богачом или потратит на молоко и хлеб последние деньги.

В двадцать семь лет, попрощавшись с Николасом, Гарольд Телфорд уехал во Францию. Ему удалось поступить в Парижскую школу изящных искусств! Гарольд начал ходить на выставки, лекции, часто бывал в кабаках, где собирались художники. В одном из таких баров он познакомится со своим будущим лучшим другом – сорокалетним художником-египтологом Матье Драпо. Это стало ключевым событием в жизни Гарольда.

На самом деле живопись была для Матье всего лишь увлечением, все свое сердце и душу он отдавал Египту: регулярно ездил туда, участвовал в небольших раскопках, изучал историю и время от времени зарисовывал особенно впечатлившие его пейзажи и вещи.

«В нашу первую встречу, когда мы пили пиво под разговоры в баре, на нем были не первой свежести штаны, рубашка с порванным карманом, а подле руки на столе лежала засаленная и припорошенная песком шляпа. Я тогда подумал: „Что за бродяга!“ Он выглядел так, будто только вернулся из очередного путешествия в Египет. Через много лет я узнал, что так оно и было. Еще не успев побывать дома, он явился в бар, чтобы пообщаться с художниками. Он особенно тяготел к обществу молодежи и, заметив меня, сразу подсел.

Но что меня поражало в Матье больше всего, так это то, что, имея достаточно средств, чтобы носить самые дорогие фраки, он всегда выглядел

как тот, кто готов отправиться на раскопки по первому зову».

В 1873 г. Гарольд Телфорд познакомился не только с Матье. На этих встречах он имел честь здороваться за руку с пока неизвестными, но великими художниками эпохи. Это сильно повлияло на него, и через год Гарольд понял: учеба в Парижской школе изящных искусств – трата времени. Он отчислился и ушел в свободное плавание, решив, что его предназначение в жизни – торговля картинами.

В дневниках Телфорд писал:

«Мистер Вокс поддерживал меня, но финансировать не стал. Что ж, я понимал его».

Он нашел работу сразу в нескольких местах: продавал каштаны, раздавал листовки, даже прибирался в барах. На скромную жизнь и жилье хватало.

Вскоре принялся продавать картины молодых художников, узнавать новые имена, по многим вопросам консультировался с Дюран-Рюэлем, с которым познакомился в бывшей мастерской Надара на бульваре Капуцинок¹. Месье Поль Дюран-Рюэль был добр и рассказывал обо всех нюансах работы галериста так подробно, будто ученику. Он и подвиг Гарольда вернуться в Лондон, чтобы открыть свой магазин.

¹ Бульвар Капуцинок – парижская улица, ставшая знаковым местом для искусства. В 1874 г. здесь, в мастерской Надара (дом № 35), прошла первая выставка импрессионистов. На этом же бульваре (дом № 14) братья Люмьер провели первый киносеанс в истории.

Гарольд приехал в Англию в двадцать девять лет вместе с десятками картин, амбициями и кое-каким опытом. Он снял небольшую комнатку в двухэтажном кирпичном здании на Грэйт-Довер-стрит и организовал в ней скромную галерею.

Первых покупателей картин ему подыскивал мистер Вокс. Он советовал молодого продавца своим друзьям, знакомым, часто рассказывал о подающем надежды Гарольде на светских приемах. А однажды маленькую квартирку Гарольда посетила и миссис Вокс. Она купила одну из работ, а после начала восхищенно рассказывать о картинах своим подругам.

В конце 1875 г. Гарольд снял вторую комнату на Грэйт-Довер-стрит. Сейчас это место в Лондоне самое известное среди коллекционеров и художников, ведь на пике успеха Телфорд выкупил все здание.

Но в 70-х гг. XIX в. об этом не было даже и речи. Картины продавались не так быстро, как хотелось. Гарольд вынужден был начать подрабатывать – через знакомых устроился в *The Times* и вел колонку о культуре, писал о выставках и новостях в сфере искусства. На этот доход он жил, а на деньги с продаж картин покупал новые полотна.

В конце того же года Гарольд уже завел знакомства с художниками-прерафаэлитами и время от времени покупал картины и у них. При этом каждые два месяца Гарольд старался ездить во Францию, чтобы посмотреть новые работы импрессионистов. Тогда Телфорд шел вслепую – не все понимали новые

направления в живописи, но Гарольд, как и Дюран-Рюэль, верил, что за ними будущее.

«Я нашел незримую связь между импрессионистами и прерафаэлитами. Не в самой технике работы, она отличалась кардинально. Дело в том, что и те и другие были бунтарями, которые, казалось, писали самым воздухом».

В это время Телфорд познакомился со своей будущей женой. Его восхитила ее робкая улыбка, ямочки на щеках, пышные вьющиеся волосы, которые она собрала в небрежный хвост, и лазурно-голубые глаза. Она была без шляпки и в простом нежно-розовом платье.

Роуз оказалась внебрачной дочерью малоизвестного художника и его натурщицы. Отец не принимал участия в ее воспитании, а мать скончалась родами.

Между тридцатилетним начинающим арт-дилером и девятнадцатилетней девушкой – которая к тому моменту, как и ее мать, успела стать натурщицей – вспыхнул роман. Роуз превратилась в Розу.

Через пять месяцев после знакомства она забеременела, и пара, не думая ни дня, узаконила отношения. Гарольд писал, что это был один из лучших периодов его жизни. Пока Розу носила их ребенка под сердцем, Гарольд парил на крыльях любви, оберегал ее, с еще большим азартом продавал картины, ведь вскоре ему предстояло заботиться не только о беременной жене, но и об их малыше.

Картины продавались хорошо, не забывал о Телфорде и Ричард. Он никак не высказывался

о Розы, но Гарольд видел, что его «дорогой друг» (в опубликованных письмах они обращались друг к другу только так) не одобряет девушки.

Когда четвертый месяц беременности подходил к концу, случилась трагедия. Розы потеряла ребенка, но знакомый врач Ричарда заверил – такое бывает. Повезет в следующий раз.

«Розы нужно поправить здоровье, и тогда она сможет родить еще много детей. Жизнь в нужде сильно сказалась на ней. Слабое здоровье».

Так прошел год. Вместе с семейной трагедией в жизнь Гарольда ворвался маленький успех: в Англии всерьез начали интересоваться импрессионистами. Если раньше Телфорд нечасто общался с потенциальными покупателями, то теперь его рабочий ежедневник был заполнен встречами. Гарольд часто ездил во Францию за новыми полотнами.

В одной из таких поездок он встретился со старым другом – Матье Драпо. Тот как раз собирался в очередную поездку в Египет – без умолку рассказывал о гробницах, чудесных вещах и магии. Сначала Гарольд слушал его ради приличия, а через пару дней, когда друг принес с собой на встречу древний египетский папирус с характерными рисунками, Телфорд также заинтересовался культурой Египта. Принялся расспрашивать, есть ли в стране современные художники, что они пишут и чем живут.

«Тогда Матье предложил мне вместе с ним отправиться в путешествие в страну древних

пирамид. Но разве я мог все бросить? Я отказался. Объяснил, что в Лондоне меня ждет жена, поведал о нашей трагедии».

По словам Гарольда, друг воспринял отказ с легкостью, но добавил – можно поехать в Египет в любое время:

«Если вновь что-то случится, не думай, поезжай за мной. Магия египтян творит удивительные вещи. Порой страшные, но удивительные. Кто знает, как она поведет себя с тобой. Вдруг сила Египта поможет преодолеть все трудности, в том числе те, что связаны с потомством».

Вскоре Роза вновь забеременела. Гарольд старался не отходить от нее ни на шаг: одевал, обувал, сдувал пылинки. Тогда же торговец картинами решил, что «хватит ютиться в маленькой комнатке, пора расширяться». Он арендовал весь дом.

На первом этаже Гарольд организовал мини-галерею, а остальные помещения оставил так, как есть: спальня, кладовая для холстов, кабинет, ванная комната. Он хотел занять еще и чердак с маленьком окошком под потолком, но жена его отговорила – столько помещений им было ни к чему. Чердак пока пустовал.

Обустройство заняло три месяца. И на исходе четвертого у Розы вновь случился выкидыш. Причина все та же – слабое здоровье. Как писал Гарольд, она еще не до конца оправилась после первой неудачной беременности. Но в этот раз врач не успокоил

Телфорд и не стал его обнадеживать. Он сообщил, что Роза никогда не станет матерью.

Торговля покатила по наклонной. Телфорд меньше завлекал покупателей, нередко и вовсе забывал о договоренностях – либо продавал картину не тому, с кем условился о сделке, либо не приходил в назначенный срок к художнику, и тот, устав ждать торговца, искал другого арт-дилера. Не успев достроить бизнес, Телфорд начал его разрушать.

В это время в Лондон приехал Матье и призвал Гарольда все бросить и уехать с ним в Египет на «какое-то время», чтобы развеяться. Послушав друга, Телфорд согласился. Обрадовавшийся Матье тут же заметил, что «вот после этой поездки у него точно все наладится». Он верил в магию египтян и всячески перед нею преклонялся.

В старости Гарольд писал:

«Я соблазнился речами своего друга. Но если бы я тогда знал, чем мне обернется эта поездка, ни за что бы не ступил на египетский песок».

Однако что именно произошло в Египте – неизвестно. Единственное, что пока удалось узнать, – Гарольд жил среди пирамид с середины 1881 по 1885 г. По возвращении он начал активнее заниматься продажей картин, вновь загорелся желанием продвигать творчество импрессионистов и прерафаэлитов, а его жена забеременела в третий раз, хотя казалось, что это невозможно. На тот момент ей было двадцать девять лет, а Гарольду – сорок. Что

самое любопытное – свою третью беременность она довела до конца и в 1886 г. родила мальчика, которого нарекли Майклом.

Майкл – отец Калверта Телфорда. Если верить записям в регистрационных книгах, Розы скончалась при родах. Гарольд не посвятил этому событию ни одной строчки в дневнике, хотя до этого только и делал, что писал о жене.

Кажется, «египетские годы» разделили жизнь Гарольда Телфорда на до и после. Потому что самые подробные описания его жизни сохранились именно до середины 1881 г. После записи в дневниках весьма скудны. Будто он не хотел (боялся?) упоминать о том, что происходило в его жизни. И прекратилось ли это после смерти?

6

Женя закончила читать, но не отводила взгляд от последних предложений. Они отличались от всего повествования. Предыдущие страницы лишь пересказывали происходящие события, вскрывали факты, а концовка задавала вопросы. За одним вопросом следовал второй, за вторым – третий.

– Мне кажется, кисточку, которую ты нашла у Киры, Гарольд Телфорд привез из той самой поездки в Египет, – нарушив молчание, заметил Арсений.

– Но зачем она была ему нужна? – Женя повернулась и

удивленно посмотрела на друга. – Он же никогда не рисовал и не был художником.

– Сужу по себе, – Арсений встал и принялся разминаться, – я бы не смог пройти мимо предмета искусства, если бы почувствовал, что его ценность очень высока. А та кисточка – древний инструмент. Невозможно даже вообразить, кто ею рисовал. Будь я на месте Гарольда, я бы тоже хотел ее получить, чтобы понять, кому она принадлежала, к примеру. Или просто так – в коллекцию.

– Возможно, ты прав, – вздохнула Женя и, опершись локтями о стол, запустила пальцы в растрепанные волосы. – Почему ты не хотел рассказывать мне историю Телфорда?

– Потому что это только одна десятая всей истории. Если представить, что мы возводим особняк, то сейчас готов лишь фундамент. Но то, как выглядит будущее сооружение, невозможно даже вообразить. Гарольд – это начало череды странных происшествий. Я сейчас только начал получать информацию о его сыне, Майкле. Кажется, он оставил много черных пятен в семейной биографии. Можно предположить, что Майкл – это стены нашего будущего особняка. Он играет большую роль во всем этом, чем его отец.

Арсений говорил спокойно. Женя наблюдала, как друг рассуждает. Она никогда не видела его таким сосредоточенным. Он был похож на детектива, который взялся за расследование запутанного убийства. Глядя на него, Женя поняла, что Арс ни за что не отступит, пока не узнает правду.

Она тоже задавалась вопросами, спрашивала себя: «Кто такая Дебра Телфорд? Может быть, у Гарольда появилась вторая жена? Или Калверт успел жениться? Или она вообще сирота, которой по доброте душевной дали фамилию Телфордов?» Однако ни один из вопросов не приближал к ответу.

– Подожди, – Женя вдруг вспомнила, о чем хотела спросить, пока читала заметки друга. – Арс, но откуда ты все это узнал? Насколько я помню, ты говорил, что сейчас трудно найти какую-то информацию о семье Телфорд.

– О Гарольде – нет. История его жизни так или иначе освещалась во многих изданиях за рубежом. Правда, там очень мало подробностей, почти голяк – одни даты и короткие описания. Говорится, что в таких-то годах он работал у Никола-са, в таком-то уехал в Париж. А потом... дата возвращения, парочка известных имен и даты, даты, даты.

Голос у Арсения слегка дрогнул. Впервые за весь сегодняшний день.

Женя приподняла бровь и выжидающе уставилась на друга.

– Ла-а-адно, в общем, у меня есть знакомый во Франции, который запросил в архиве копии документов, разрешенных для публичного доступа. В библиотеке – искусствоведческие журналы, в которых много всякого публиковалось про Телфорда. Он помогает мне по старой дружбе.

Арсений, глядя куда угодно, но не на Женю, начал поти-

рать шею.

– Вот... и этот знакомый обещал мне помочь с дальнейшим расследованием. Он просто... скидывает мне то, что находит по Телфорду, но там слишком много лишней инфы. Причем все на английском или французском. Приходиться вникать, переводить, выискивать... Там я и выцепил все эти цитаты из опубликованных дневников Телфорда. Удивительно, конечно, да.

Женя прищурилась. Ей показалось, что Арсений был смущен. Что-то он недоговаривал, но долго размышлять об этом не было возможности: пришло время ехать в Академию художеств. Посмотреть, где висит ее картина, и выслушать напутственную речь от преподавателей.

– Скоро я получу новую кипу документов. Уже про сына Гарольда и про его внука – Калверта.

– Только, пожалуйста, сразу мне все расскажи. Запишешь потом. Сейчас надо работать сообща, иначе мы будем слишком долго разгадывать загадки этой семьи.

– Ты же вроде не торопилась с расследованием, – удивился Арсений.

– Если честно, мне уже надоело возиться со всем этим. Хочется как можно быстрее закончить, – призналась Женя.

Она действительно устала копаться в чужом прошлом, тратя на это свое настоящее. На какое-то время Женя даже забыла, зачем вообще приехала в Питер. Она мечтала поступить в Академию, а не попасть в сумасшедший дом из-за

мистических историй, связанных с британским художником. Но еще ей как можно скорее хотелось разобраться с сюрреалистичными глазами, потому что она боялась, что история ее тети станет историей Киры или ее собственной.

– Тогда договорились.

– Мне пора идти. Подготовка к выставке.

– Хорошо. До встречи дома.

Женя кивнула и направилась к выходу. Уже открыв дверь, она вновь обернулась и посмотрела на друга. Тот стоял, облокотившись на стойку администратора, и смотрел ей вслед. Стоило Жене оглянуться, Арсений принялся рассматривать картины на стенах так, будто увидел в них новый смысл.

– Ты красиво пишешь, – заметила Женя.

– Спасибо, – ответил Арсений, смущенно улыбнувшись.

7

Добравшись до Невского проспекта, Женя не спеша направилась в сторону Дворцового моста. Она немного не рассчитала время и приехала слишком рано, так что теперь ей предстояла почти двадцатиминутная прогулка до Академии художеств.

Погода только радовала. Послеобеденное солнце нежно ласкало, дул слегка прохладный ветерок. Женя в очередной раз улыбнулась, вспомнив многочисленные высказывая о питерской погоде. В интернете писали, что в Петербурге посто-

янно идет дождь, всегда холодно и мрачно. Но за все время, что Женя гостила в Северной столице, ей еще ни разу не пришлось ворчать на погоду. Даже в тот раз, когда она напрочь промокла по дороге к Марселю.

Протискиваясь между людьми на Невском проспекте, Женя мечтала поскорее оказаться на другом берегу, на Васильевском острове, где было намного меньше народу, чем в сердце города. Она еще не привыкла к столпотворению, ей было неуютно от близости людей, которых она не знала. И этот звон их голосов, бесконечная суета... Узкие улицы и оттого не менее узкие пешеходные дорожки. Женя впервые подумала, что ей будет трудно жить в Петербурге; трудно медленно плестись, когда хочется разогнаться. Питер просил ее замедлиться, и ей это не нравилось.

Оказавшись на другой стороне моста, Женя ускорилась. Взглянув на часы, она поняла, что не опаздывает, но быстрая ходьба помогала размяться, выпустить пар, разогнать плохие мысли. Для Жени она была так же эффективна, как чашка капучино.

Подойдя к знаменитым сфинксам, Женя остановилась. Сначала посмотрела на них, а потом перевела взгляд на Академию. Она вновь вспомнила день, когда впервые оказалась здесь.

«Как странно. Сфинксы стоят напротив Академии художеств. Более того, когда их только привезли, установили во дворе. Живопись и Египет будто скреплены невидимой ни-

тью. Ведь и Гарольд, торговец картинами, восхищался египетским искусством. А его внук Калверт... или некая Дебра... тоже пали пред чарами Египта. Не просто так “Дьявольские глаза” разделяет анх».

Женя нахмурилась. Она вспомнила мужчину с глубоким порезом на лице, который заговорил с ней в день «знакомства со сфинксами». Незнакомец рассказал тогда историю этих мифических существ и добавил, что те неделимо связаны с магией; что они накажут каждого, кто нарушит их покой.

«А еще он говорил, что нельзя увозить из Египта древности, ведь никто не ручается за их свойства и происхождение».

Женя поежилась, словно от холода, хотя солнце еще припекало. В памяти вновь всплыла таинственная кисточка, которую, возможно, привез Гарольд. Как она к нему попала и кому принадлежала до этого? Все это еще предстояло узнать. Но Женя теперь не сомневалась: все странности, с которыми она столкнулась в последнее время, связаны со страной фараонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.